

В. О. САМОЙЛОВ

Эволюция политических взглядов

И. П. Павлова в годы советской власти

Иван Петрович Павлов в течение всей своей жизни при советской власти называл Октябрьскую революцию 1917 г. «большевистским экспериментом». 21 декабря 1934 г. он писал в Совнарком СССР: «Во-первых, то, что вы делаете, есть, конечно, только эксперимент, и пусть даже грандиозный по отваге... но не осуществление бесспорной насквозь жизненной правды — и, как всякий эксперимент, с неизвестным пока окончательным результатом. Во-вторых, эксперимент страшно дорогой (и в этом суть дела), с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни... Пощадите же родину и нас» [1].

И если Альберт Эйнштейн утверждал, будто «большевизм — изумительный эксперимент» и «большевистский опыт заслуживал, чтобы его произвели», то И. П. Павлов вначале думал совсем иначе. В 1918 г. он с негодованием кричал: «...для такого эксперимента мне жалко взять даже лягушку!» В 20-е гг. Иван Петрович отталкивал от себя лучших учеников, если они высказывались о революции подобно Эйнштейну. На этой почве возник конфликт с А. Д. Сперанским, и только в 1935 г. произошло примирение между ними.

В том же году 17 августа вечером в Московском Кремле на приеме делегатов XV Международного физиологического конгресса в присутствии 1500 человек И. П. Павлов произнес краткую речь, в которой были такие слова: «Вся моя жизнь состояла из экспериментов. Наше правительство тоже экспериментатор, только несравненно более высокой категории. Я страстно желаю жить, чтобы увидеть победное завершение этого исторического социального эксперимента». Сказав это, он под бурные аплодисменты провозгласил тост: «За великих социальных экспериментаторов!» [2].

Слова И. П. Павлова в Кремле вскоре стали известны всему Старому и Новому свету. Они бурно обсуждались в зарубежной прессе. Ученые, общественные деятели, писатели, журналисты терялись в догадках о причинах столь кардинальной метаморфозы в политических взглядах человека, которого на Западе считали «единственным свободным гражданином России», причем такую репутацию он не утратил и после своей речи в Кремле.

Одни комментаторы павловского тоста предполагали, что большевики запугали Ивана Петровича. По мнению других, они его подкупили. Третьи считали, будто он по своей политической наивности поддался их обману.

Эти высказывания стали мне известны в начале 70-х гг. при подготовке к изданию книги об И. П. Павлове, написанной в соавторстве с моим учителем А. С. Мозжухиным. Мы не могли принять ни одну из упомянутых выше версий. Павлова не смогли запугать в первые годы после революции, хотя угрозы были весьма серьезные (вызывали в ЧК, пугал его сам Зиновьев, гроза Петрограда и всего Советского Севера, травила пресса, угрожая «зашибить» господина профессора). Сам он писал в СНК за полгода до своего выступления в Кремле: «Революция меня застала почти в 70 лет. А в меня засело как-то твердое убеждение, что срок деятельной человеческой жизни именно 70 лет. И поэтому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: “Черт с ними! Пусть расстреляют. Все равно жизнь кончена, а я сделаю то, что требовало от меня мое достоинство”» [1]. Так чего ему было бояться на девятом десятке лет?

Вряд ли можно было подкупить человека, который превыше всего ценил в себе и других честь и человеческое достоинство. От отца он унаследовал бескорыстие и бессребренность, столь почитаемые Православной Церковью. Не зря священнослужители Рязани много лет избирали его отца *благочинным* (председателем суда чести священников), а сам Иван Петрович неоднократно избирался председателем суда чести врачей.

О наивности 86-летнего старика могли говорить люди, не знакомые с его прозорливыми прогнозами на всех, особенно переломных этапах развития России. Политические события он анализировал глубже многих политологов и редко ошибался в перспективной оценке их последствий. Ему посчастливилось сохранить ясность мышления до последнего дня долгой жизни.

В работе над книгой я встречался со многими учениками И. П. Павлова и почти каждому задавал вопрос, который был столь актуален для западной прессы в 1935 г. Запомнился ответ профессора Георгия Павловича Конради, который четверть века

назад я не смог оценить так, как сегодня. Конради объяснял метаморфозу политических взглядов И. П. Павлова его «государственным российским патриотизмом». Он воспринимал силу и международный авторитет России как свое кровное дело, все беды родины пропускал через душу и воспринимал их как личное горе, с глубокой душевной болью.

Помню, я спросил Георгия Павловича: «А разве это не естественная реакция нормального гражданина?» В ответ услышал: «Вы счастливый человек. Поверьте мне, что это редкое качество». Могу теперь признаться — не поверил я тогда Георгию Павловичу. Все политические деятели, писатели, журналисты независимо от национальной принадлежности клялись в патриотизме, в любви к Великой Родине, Союзу нерушимому республик свободных.

Только теперь я понял, насколько верно оценивал людей Конради. От большей части допущенных на телевизионные экраны видишь и слышишь если не враждебные, то иронично-отрешенные комментарии политических событий, влияющих на судьбу России, будто речь ведут не о Родине, а о чужой стране или даже о другой планете. Редко слышишь в речах и видишь в глазах боль за развал страны, за страдания соотечественников.

Телевизионные передачи дают своим зрителям больше пицци для скорби и сочувствия по поводу гибели английской принцессы или французского кутюрье, последствий плебейских развлечений американского президента, чем расстрела соотечественников в Буденновске и Самашках, обездоленности многих миллионов беженцев из Прибалтики, Закавказья, Средней Азии, заброшенного Севера, изможденности от голода пациентов психиатрических больниц и беспризорных детей. Уже больше десяти лет безнаказанно разжигается рознь между народами многонациональной державы, подрывается ее могущество зловерным поощрением национальных междоусобиц, срежиссированных теми же силами, которым служат и средства массовой информации. И дело тут не столько в злонамеренности социального заказа тех, кто оплачивает их работу, сколько в отсутствии у заказчиков, исполнителей и, что особенно плохо, у потребителей этой продукции государственного патриотизма, который составлял важнейшее свойство личности Ивана Петровича Павлова.

Размышляя о державном патриотизме Павлова, я невольно заговорил о телевидении. Ленин с гениальным чутьем вождя народных масс учил своих сподвижников, что важнейшим средством идеологической обработки людей является кино. В отличие от чтения, открывающего простор воображению и самобыт-

ному восприятию информации, зрелище навязывает человеку эмоции и стереотипное мышление его авторов и, если угодно, формирует стадность.

Едва ли не самым лучшим индикатором действенности идеологического воспитания служат кумиры наших детей. Восхищаясь своим возлюбленным, героиня романа А. С. Грина оценивала его в превосходной степени: «Дети будут играть в Вас!» На моих глазах подрались два мальчугана, оспаривая право быть в игре Уокером. Телевидение сделало кумиром русских детей «крутого американца», который даже в благородном обличье проповедует культ кулака и золотого тельца. Менее положительные герои цинично культивируют махровый нигилизм — презрение каких-либо нравственных абсолютов, способность преодолеть самый священный моральный запрет ради достижения отнюдь не высокой цели, ради обогащения во что бы то ни стало, а это всегда противно было славянской душе.

В жизни Павлова был период (на третьем десятке лет), когда он под влиянием своего университетского учителя — профессора физиологии И. Ф. Циона — стремился стать нигилистом. Однако прежнее воспитание в патриархальной семье потомственных священнослужителей, а также огромное влияние на него Ф. М. Достоевского, С. П. Боткина и невесты С. В. Карчевской оказались сильнее. И если 30-летний Иван Павлов находил много сходства между собой и нигилистом Иваном Карамазовым («Основа натуры... Ивана та же, что и моя», — писал он невесте в 1880 г.), то со временем в нем возродилась мораль, исповедуемая Алешей Карамазовым: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация». Следуя Достоевскому, Павлов видел начало всем подвигам только в нравственном устое, в святости моральных запретов, а любовь к Родине, к ближнему, к своему делу считал этическим принципом. Революция, по мнению Ивана Петровича, обесценила общезначимые нравственные ценности: идеалы, мораль, культуру. Идея интернационализма была противопоставлена любви к России.

В 1923 г. И. П. Павлов во вступительной лекции к курсу физиологии поведал студентам ВМА о мыслях и чувствах, которые обуревали его в революционные годы: «Только тогда я почувствовал, до какой степени вся моя деятельность, хотя бы по сути своей интернациональная, до какой степени она связана с достоинством и интересами родины. Это истина, если я скажу, что я прямо как бы потерял основной смысл в своей научной деятельности при мысли, что родина погибла. Для кого же я тогда стараюсь?» Этим словам в лекции предшествовало признание: «...я

был, есть и останусь русским человеком, сыном родины, ее жизнью прежде всего интересуюсь, ее интересами живу, ее достоинством укрепляю свое достоинство» [3].

Только теперь мне довелось осознать и прочувствовать, какую горькую чашу полной мерой испил Иван Петрович Павлов в революционное лихолетье прежде всего из-за своего державного патриотизма. И дело тут было не в антипатии к большевикам.

Когда русская армия стала терпеть поражение за поражением в первой мировой войне, Павлов, внимательно следивший за ходом боевых действий, клеймил бездарное командование, царское правительство, называл Николая II «идиотом» и «дегенератом». Узнав о пораженческих настроениях членов партии кадетов, в которую он не входил, но был солидарен с ее политической платформой, Иван Петрович отошел от своих коллег, членов этой партии. Как вспоминала его жена Серафима Васильевна, он отказался от приглашения на их собрание со словами: «Неужели вы не понимаете, что совершаете преступление, устраивая революцию во время войны?.. Нет, я не приму участия в разрушении моей родины» [4].

Февральскую революцию 1917 г. Павлов встретил настороженно, будущее оценивал «в высшей степени пессимистически» (по словам М. К. Петровой), но к апрелю его настроение стало улучшаться. О перемене настроения можно судить по тексту его приветственной речи Первому съезду российских физиологов, который открылся 6 апреля 1917 г. Иван Петрович из-за болезни не был на съезде. Его речь зачитал профессор В. И. Вартанов: «Дорогие товарищи!.. Мы переживаем такое особенное время... Мы только что расстались с мрачным, гнетущим временем... Мы не можем не ждать, мы должны ждать при новом строе нашей жизни чрезвычайного усиления средств всякого рода для научной деятельности... И тогда в свободной, обновляющейся и стремящейся к возможно лучшему на всех линиях жизни родине какими своевременными являются и наше Общество, и наш журнал, счастливым образом связанные с славным именем родоначальника родной физиологии и носителя истинно свободного духа Ивана Михайловича Сеченова!» [5]

Тогда надежды Ивана Петровича достигли апогея, но как только А. Ф. Керенский возглавил Временное правительство, он перестал верить в благополучный исход революционных событий: «О, паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства — он же загубит все!» [6]. Иван Петрович знал Керенского раньше — через брата своей жены — С. В. Карчевского, прокурора судебной палаты.

После июльских событий Павлов предрекал крах буржуазной власти и переворот либо вправо, либо влево. И того, и другого не желал, мрачней день ото дня. Октябрьскую революцию переживал крайне болезненно, замкнулся в себе, говорил мало. Если же удавалось его разговорить, предсказывал тяжелые потрясения в жизни всех и каждого. Младший сын Всеволод, офицер действующей армии, остался за границей и лишь в конце 20-х гг. возвратился на родину. Подававший большие надежды в науке, любимый сын Виктор подался на юг к Корнилову и, не доехав до места назначения, погиб. Кто-то сообщил его родителям, что Виктора расстреляли красногвардейцы. Павлов поверил, о чем свидетельствует его намерение посвятить свою книгу «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных» «сыну Виктору, зверски замученному большевиками». Позднее выяснилось, что Виктор умер от тифа в больнице на станции Барвенково. Был расстрелян Борис, сын его сотрудницы Марии Капитоновны Петровой, которую он любил и переносил свою любовь на ее сына. Огромным напряжением воли и терпения Павлов, сам погруженный в страдания, вернул к жизни любимую женщину, желавшую собственной смерти после потери сына.

Чекисты неоднократно устраивали обыски в квартире Павлова, конфисковали золотые вещи, включая золотые медали, которыми он был награжден за научные достижения, на короткое время задерживали как его самого, так и старшего сына — Владимира, проживавшего вместе с родителями. Продолжительным политическим арестам подверглись многие друзья Ивана Петровича. Среди них был его товарищ по клинике С. П. Боткина, бывший директор ИИЭМа и обер-прокурор Священного Синода С. М. Лукьянов, выдающийся отечественный патолог, ученый с мировым именем.

Иван Петрович из патриотических побуждений считал, что войну с Германией нужно продолжать «до победного конца». Естественно, что переговоры в Бресте о мире не находили поддержки в его душе. 23 ноября 1917 г. Конференция ВМА единогласно присоединилась к воззванию Академии наук не поддерживать Брестский мир. Павлов работал в этих обоих учреждениях, полностью одобрял воззвание и последними словами поносил «постыдный и непрочный сепаратный мир», высказывая опасение, что «воюющие державы раздерут родину на части». Поричал он также разгром большевиками Учредительного собрания. Его настроением той поры пронизана речь у гроба давнего дру-

га — художника Н. Н. Дубовского. В январе 1918 г. Павлов говорил:

«Дорогой друг!

Я завидую тебе. Ты более не видишь нашими слабыми, земными глазами все растущего раздиранья и опозорения Родины, и ты закончил твой жизненный путь славным концом, славною смертью. Ты показал, что нет более тяжелого удара по сердцу, чем гибель Родины. Точно в тот момент, когда твоего уха коснулось известие, что волна безумия, бегущая по широкому простору Родины, покрыла и твой родной Новочеркасск, твое сердце отказалось биться, отказалось жить! — Да, совершается грозный и неумолимый приговор истории над нашей славянской семьей! Давно погибла старшая сестра — прекрасная Польша! Дошел черед и до младшей сестры — России, казавшейся такой могучей, такой богатырской, такой несокрушимой! Она гибнет также в критический период политического созревания, сраженная тем же злым недугом слепоты перед действительностью. Эта гибель зло и верно обеспечена неукротимой и более неодолимой силой корыстных, низких влечений, легкомысленно и недобросовестно разбуженных и лишенных узды, в огромной темной массе русского народа. А Родина тебе дорога! Ты любил ее больше всего! Ты жил ее красками и линиями и ты воплотил это еще недавно в твоём чудном творении “Родина”. Этой картине место на твоей простой могильной плите! Она — весь ты — с твоим талантом и неугасимую любовью к Родине. Что дивного, что кисть навсегда выпала из твоих рук, когда Родина становится не твоею, а чужою. Прощай друг! Может быть до скорого свидания, если за этой доской ждет нас новое будущее и, будем верить, светлое, которое простит нам наши русские слабости, приведшие к гибели Родины. Прости!» [7].

Зато 25 февраля 1918 г. Павлов вместе со всей Военно-медицинской академией горячо отозвался на декрет «Социалистическое отечество в опасности!», подписанный Лениным четырьмя днями раньше. Конференция (ученый совет) этого старейшего учебного заведения России постановила: «Академия горячо отзывается на призыв защиты Родины, немедленно принимая все меры к широкой организации помощи больным и раненым и формируя специальные группы из врачей и студентов для борьбы с возможными эпидемиями, но вместе с тем продолжает по возможности свои научно-учебные занятия и лечебную деятельность, заканчивает чтение лекций в кратчайший срок и производит экзамены» [8]. Иван Петрович, хотя и не принял больше-

вистскую революцию, продолжал самоотверженно трудиться на благо родины в учреждениях, подвластных большевикам.

Однако научная работа в павловских лабораториях, значительно подорванная войной с Германией вследствие призыва многих сотрудников в действующую армию, продолжала идти на убыль. Работников становилось все меньше. Нехватка испытывалась во всем: в подопытных животных, в корме для них, в инструментарии и медикаментах. Это сильно удручало Ивана Петровича, дорожившего каждым рабочим днем, когда до 70-летия оставалось всего 2 года, а по его убеждению, «срок деятельной человеческой жизни именно 70 лет». Жаль было терять драгоценное время, работая недостаточно эффективно.

Болезненно реагируя на ограничение свобод, он в соавторстве со своим учеником М. М. Губергрицем опубликовал в журнале «Русский врач» статью «Рефлекс свободы». Этой теме Иван Петрович уделил немало места в трех публичных лекциях (28 апреля, 20 и 27 мая 1918 г.) под общим названием «Об уме вообще и о русском в частности», наделавших много шума в петроградском обществе [9, 10, 11].

Поскольку лекции полностью опубликованы в этой книге, нет нужды их комментировать. Скажу только, что некоторые недобросовестные авторы, делая из них купюры в худших традициях прежних общественно-политических изданий, изображают Павлова чуть ли не русофобом. Лекции же, напротив, свидетельствуют о его державном патриотизме, о боли за судьбу России, о воинствующей позиции по отношению к тем деяниям новой власти, с которыми он был не согласен. Сильнее всего он клял большевиков за развал Великой России, за ее ослабление, ведущее к гибели.

Очевидно, после этих лекций Павлов стал национальным символом политического сопротивления, символом человеческого противодействия неблагоприятным обстоятельствам. Преодолевая их, он продолжал трудиться с отчаянным самоотречением, поскольку, по его словам, «в тяжелое время, полное неотступной скорби для думающих и чувствующих, чувствующих по-человечески, остается одна жизненная опора — исполнение по мере сил принятого на себя долга». Эти строки из письма Ивана Петровича, которым он ответил на поздравление с 75-летием коллеге по врачебной профессии В. Ф. Войно-Ясенецкому, а в ту пору опальному архиепископу Луке, «изгнанному за веру Христову к самому краю Земли». Письмо Павлова заканчивалось словами: «Всей душой сочувствую Вам в Вашем мученичестве» [12].

В исполнении долга перед родиной ничто не могло сломить непреклонную волю и могучий дух великого патриота. В течение всей гражданской войны он продолжал преподавать физиологию в Военно-медицинской академии, где учебный процесс шел непрерывно, без сбоев. Согласно послужному списку И. П. Павлова, его служба в Красной Армии началась 23 февраля 1918 г. — в день ее рождения.

«Не было отопления в лаборатории, он надевал шубу и меховую шапку с длинными наушниками и так сидел на опытах сотрудников. Не было света — он оперировал с лучиной, которую держал над операционным столом ассистент. Даже выработка целебного желудочного сока продолжалась, хотя в меньшем масштабе, чем раньше» [13]. Однако в 1920 г., самом тяжелом для павловских лабораторий, все собаки на «фабрике желудочного сока» в ИЭМе погибли, и аптеки Петрограда не получили ни одного флакона этого целебного препарата.

Весной 1919 г. Иван Петрович собственноручно вскопал и засеял участок земли, отведенный ему, как и другим сотрудникам, на территории Института экспериментальной медицины. Сам полыл огород и только к поливке и ночным дежурствам по его охране допускал старшего сына. На своем участке он собрал хороший урожай картофеля и капусты. Гордился, что его огород лучший, стыдил молодых ученых, которые не находили в себе сил для выращивания овощей.

И все-таки стужа в квартире и на работе, неполноценное питание, тягостные раздумья о будущем России подточили здоровье Павлова — осенью 1919 г. (в 70 лет) он перенес тяжелую пневмонию, первую из нескольких на протяжении 17 лет оставшейся жизни, а последняя из них в феврале 1936 г. явилась причиной его преждевременной смерти. В 1919 г. организм Ивана Петровича справился с тяжким недугом.

Родственники и знакомые, ученые США, Германии, Швеции, Чехословакии, обеспокоенные состоянием здоровья Павлова, настойчиво звали его за границу. Даже Совнарком предлагал ему покинуть РСФСР, но он отказался. Однако летом 1920 г. его намерения изменились. В июне он написал письма в Совнарком с просьбой о «свободе оставления России».

Ленин сделал все для того, чтобы удержать И. П. Павлова от эмиграции. Он писал Г. Е. Зиновьеву, что отпустить Павлова «было бы вряд ли разумно, поскольку он выразил мысль, что, будучи правдивым человеком, он, если возникнет соответствующее обсуждение, будет высказываться против советской власти и коммунизма в России. В то же время этот ученый представ-

ляет собой такую культурную ценность, что невозможно насильственно удерживать его в России в условиях материальной нужды» [14].

Ленин потребовал от Зиновьева «под его личную ответственность совершенно немедленно обеспечить Павлова и личную жизнь, его лаборатории, его животных, его помощников всем, что он только найдет нужным» [15]. Начали с предоставления Ивану Петровичу и его семье особого спецпайка, надеясь заткнуть ему рот пирогом. Месячный «особый улучшенный паек», назначенный Павлову, включал 70 фунтов * пшеничной муки, 25 фунтов мяса, 12 фунтов свежей рыбы, 3 фунта черной икры, 10 фунтов бобов, 4 фунта сыра, 5 фунтов сухофруктов, 750 папирос [16]. Но Павлов отказался от пайка и написал еще одно письмо в Совнарком, «полное, — как писал В. Д. Бонч-Бруевич [15], — негодования, глубокой грусти и великого достоинства», в котором сетовал на непонимание правительством главного в его предыдущем прошении. Своим письмом он стремился привлечь внимание правительства не к своей личности, а к бедственному положению отечественных ученых и науки, что ускоряло движение России к пропасти. Во имя спасения родины Павлов требовал, чтобы работа ученого признавалась государством как одна из высших форм служения народу, чтобы ученых не считали представителями эксплуататорских классов.

Прочитав павловское письмо, Ленин с горечью сказал В. Д. Бонч-Бруевичу: «Да, он прав, он совершенно прав. Он написал изумительно честно, и мы должны особо ценить таких людей. Сейчас же напишите ему, что правительство примет все меры к улучшению положения ученых. Еще раз просите его не уезжать из России» [15].

Непреклонность Ивана Петровича подтвердил в январе 1921 г. один из руководителей Петросовета Митрофанов. Оправдываясь перед Кремлем за то, что не может преодолеть отказ Павлова от привилегий, он писал: «Относясь с уважением к личной жизни профессора Павлова, мы ничего не в силах сделать, так как он упорно отвергает помощь. Он говорит, что не может пользоваться привилегиями, которыми не пользуются его коллеги... Положение профессора Павлова может быть улучшено только путем снабжения семейными пайками ведущих ученых Петрограда; это, возможно, удовлетворит Павлова» [17].

Благодаря письмам И. П. Павлова в Совнарком Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ), работавшая с начала 1920 г. с

* 1 фунт ≈ 453 г.

весьма скромным успехом, была преобразована в ЦЕКУБУ, которую возглавил А. М. Горький. В конце августа Павлову возвратили конфискованные у него 6 золотых медалей. В октябре Бонч-Бруевич разослал копии письма Ивана Петровича в Наркомвоен, Наркомпрос, Наркомвнудел, Наркомсобес, Наркомтруд, Наркомюст, Наркомфин с обращением: «Может быть, будет признано желательным принять какие-либо экстренные меры к улучшению положения ученых?!» [15].

24 января 1921 г. СНК принял постановление за подписью Ленина о создании академику Павлову особых условий для исследовательской деятельности. Это постановление стало охранной грамотой Ивану Петровичу. Оно сделало его в течение всей жизни неприкасаемым для репрессивных органов.

Однако материализация основных положений ленинского декрета сильно затянулась. В октябре 1921 г. СНК ассигновал на павловские лаборатории 942 млн. 50 тыс. рублей, но по назначению дошли только 30 млн. рублей. Это была ничтожная сумма — ведь тогда 1 фунт муки стоил 300 тыс. рублей. Остальные деньги петроградские власти во главе с Зиновьевым израсходовали по своему усмотрению. Иван Петрович не убоился известить об этом безобразии СНК. Результатом его бескомпромиссного поведения стало учреждение новой комиссии содействия павловским лабораториям под председательством наркома здравоохранения Н. А. Семашко. Комиссия подтвердила обоснованность павловских претензий. Срочно было выделено 65 тыс. рублей золотом, и эти деньги, ставшие весьма весомыми после денежной реформы Г. Я. Сокольникова (Бриллианта), дошли до лабораторий. В конце 1923 г. Иван Петрович писал за границу Б. П. Бабкину: «Моя работа разворачивается в широких масштабах. У меня собралось много работников, и я не в состоянии принять всех желающих» [18]. Уже в 1924 г. объем научной продукции павловского коллектива достиг уровня 1913 г.

Вместе с тем Ленин задался целью сделать Павлова лояльным советской власти и возложил эту нелегкую миссию на Н. И. Бухарина. Выбор оказался безошибочным. Ретроспективная оценка ленинского окружения той поры позволяет считать, что никто другой лучше Бухарина с этой задачей не справился бы. Однако «любимец партии» не успел приступить к выполнению партийного задания, как подвергся жестокой критике Ивана Петровича — человека, с которым ему предстояло дружить.

25 сентября 1923 г. Павлов читал вступительную лекцию студентам второго курса ВМА. Лекция была посвящена анализу революционного процесса на основе впечатлений от зарубежной

поездки Ивана Петровича в мае. Он посетил Париж, Нью-Йорк, Чикаго, Баттл-Крик, Эдинбург. Нигде не допустил ни одного нелояльного высказывания в адрес Советской России и большевиков, хотя его провоцировали на это. А приехав домой, в лекции студентам-медикам заявил, что пересек всю Европу, побывал в Америке, общался со многими людьми, но «не нашел следов мировой революции». Напротив, в Европе под влиянием нашей революции зародился фашизм, который неизбежно превратится в главного врага большевизма, а значит, и Советского государства.

Свою лекцию Павлов построил на критическом анализе двух брошюр Н. И. Бухарина (одна из них имела соавтора — Е. А. Преображенского): «Азбука коммунизма» и «Пролетарская революция и культура». Подробный анализ павловской лекции и событий вокруг нее имеется в статье «Иван Павлов и Николай Бухарин», опубликованной мною в соавторстве с Ю. А. Виноградовым в журнале «Звезда» [19]. Здесь уместно заметить, что И. П. Павлов, конечно же, не знал о ленинском поручении Бухарину и невольно поставил его в труднейшее положение.

На павловской лекции присутствовал агент ГПУ. На следующий день ее стенограмму изучали ответственные товарищи в Кремле и Смольном. Первым (27 сентября) отреагировал Л. Д. Троцкий, приславший Ивану Петровичу письмо, в котором просил разъяснить различия между учениями Павлова и Фрейда. В начале 1924 г. последовала реакция официальной прессы — увидели свет статьи Г. Е. Зиновьева и Н. И. Бухарина. В отличие от письма Троцкого, эти публикации были ругательными.

Статья Бухарина, опубликованная в журнале «Красная новь» и перепечатанная в «Нашей искре» (журнале ВМА), вызвала гнев Ивана Петровича, которого обидели политические приемы автора — искажение («передергивание») павловских слов, купюры и прочее. Негодование усиливали реакции людей в учреждениях, где работал Павлов. Некоторые коллеги подогревали павловские страсти, другие стали избегать контактов с ним. По завершении учебного года он вынужден был расстаться с Военно-медицинской академией после непрерывных 50 лет учебы и работы в этой колыбели российской медицины.

В публичных лекциях Павлов теперь еще яростнее нападал на политическое руководство страны, клеймил революционные идеи и средства достижения большевиками своих целей. Так, 20 апреля 1924 г. он читал лекцию в здании бывшей Городской думы (на Невском проспекте рядом с Гостиным двором) на тему: «Несколько применений новой физиологии мозга к жизни». В

лекции прямо говорилось о несовместимости инстинкта свободы, с которым рождается каждый человек, и окружающей его действительности в условиях диктатуры пролетариата.

Процитировав покойного Ленина, утверждавшего, что «диктатура пролетариата обеспечит себе победу путем террора и насилия», Павлов заявил, что насилие — это палка о двух концах. Подавляя врожденный инстинкт свободы, «террор, да еще в сопровождении голода... усиливает в людях рефлекс рабской покорности». В результате такой «бесспорно скверной воспитательной практики» нация будет забита, рабски принижена. Ее будут составлять не свободные люди, а жалкие рабы. Но нужно знать, говорил Иван Петрович, и о другом конце этой палки: «Инстинкт свободы живуч... до конца его не вытравить никакими террорами». Он будет жить даже в рабских душах и возродится в самый неподходящий для насильников исторический момент.

Вместе с тем преследование частной собственности, попрание традиций, верований и других святынь гражданина прежде великой России вызывает в головах многих людей «сшибки» процессов возбуждения и торможения, чем «приводится в полное расстройство вся нервная система населения, это почва для сплошных неврозов». В таком состоянии, продолжал свою мысль Павлов, в деятельности мозга возникает парадоксальная фаза, для которой характерно прекращение ответов на сильные стимулы (действительность) при сохранении и даже усилении реакций на слабые раздражители (слова). Поэтому к седьмому году революции у многих людей утратилась восприимчивость к действительности и обострилась восприимчивость к словам: «Их условные рефлексy координированы не с действительностью, а со словами. Слова для них значат больше, чем факты». В подтверждение своих выводов Иван Петрович приводил пример поведения тяжелого невропата — пациента клиники нервных болезней. На включение красной лампочки он совсем не реагировал, а слово «красный» вызывало у него бурную реакцию.

Текст павловской лекции 1924 г. не сохранился. Я воспроизвел его по цитатам из критической статьи Н. А. Гредескула, опубликованной в журнале «Звезда» (1924. № 3) под названием «Условные рефлексy и революция» [20]. В ту пору редактором «Звезды» был И. М. Майский, а всю работу редакции направлял Г. Е. Зиновьев. Автор критической статьи, в которой Павлов объявлялся «ученым союзником и защитником эксплуататорского класса», тоже являл собой незаурядную и весьма типичную для того времени личность. Он был профессором Петербургского политехнического института, одним из основателей партии

кадетов, товарищем (заместителем) председателя Государственной думы. Революция заставила его перекраситься из антимарксиста в ревностного проповедника большевистской идеологии. Опытный политик, публикуя свою штрейкбрехерскую статью против Павлова, не мог не понимать, что делает публичный политический донос, дает основание властям расправиться с Иваном Петровичем. По-видимому, он недооценил крепости ленинской охранной грамоты, выданной Павлову.

Иван Петрович продолжал шокировать партийное руководство и правительство страны, в первую очередь — Ленинграда, своими речами, поступками и письмами в СНК. Он не боялся бичевать общие и частные пороки общественного строя и методов управления страной, формирования общественного сознания, руководства наукой и т. д.

«Вы в Вашей работе, — писал Павлов Бухарину в 1931 г., — слишком упрощаете человека и рассчитываете его сделать истинно общественным, запирая его, например, на всяческих и бесконечных собраниях для выслушивания одних и тех же поучений» [21].

Беспардонным посягательством на свободу мысли он называл внедрение партийной идеологии в науку: «Революция для меня — это действительно что-то ужасное по жестокости и насилию, насилию даже над наукой; ведь один ваш диалектический материализм по его теперешней жизненной постановке ни на волос не отличается от теологии и космогонии инквизиции» [21]. В другом письме Павлов утверждал: «А введенный в устав Академии [наук] параграф, что вся научная работа Академии должна вестись на платформе учения о диалектическом материализме Маркса и Энгельса, — разве это не величайшее насилие даже над научной мыслью? Чем это отстает от средневековой инквизиции и т. д., и т. д., и т. д.» [22].

Отказываясь выполнять рекомендации управления делами Академии наук о применении ряда мер по укреплению трудовой дисциплины в научных учреждениях, Иван Петрович заявил: «Научная лаборатория — не фабрика, а я — не надсмотрщик... нельзя третировать умственный труд по шаблону физического».

Он игнорировал требования аппарата Академии наук о составлении многолетних детальных планов научной работы. Его ответ в 1930 г. содержит такие слова: «В будущем году, как и в предыдущем, главнейшая работа Института (Института физиологии. — *Авт.*) будет сосредоточена на изучении высшей нервной деятельности собак по методу условных рефлексов. Ближе, подробнее ничего сказать не могу... Действительное течение

свободной научной работы определяется тем, что встречается на пути исследования и чего предвидеть нельзя. Эти нерассчитываемые, неожиданные повороты исследования и составляют главную силу, радость и прелесть научной работы».

В 1932 г. Иван Петрович использовал эти же аргументы, весомые в своей простоте и очевидные человеку науки, чтобы уклониться от выполнения жесткого требования чиновников от Академии наук о планировании работ Физиологического института на 1933 г. и вторую пятилетку. К сказанному нравоучительно добавлял: «Для государственного правильного расчета остается только знать финансовую сторону дела» [23].

Его очень тревожило нерациональное расходование государственных финансов, «народной копейки». Даже в своем юбилейном интервью (в день 85-летия) он выговаривал корреспонденту «Известий»: «Советская власть дает чрезвычайные средства для науки. Я бы хотел только, чтобы органы, руководящие научной работой, больше берегли эти народные средства, осторожнее и с большим выбором расходовали их на некоторые, недостаточно проверенные изобретения» [24].

Таких примеров было немало в силу недостаточной научной компетентности академических чиновников, а зачастую просто традиций кумовства в чиновничьей среде. За полгода до этого интервью, в марте 1934 г., правительство одним распоряжением выделило 3 персональных автомобиля: академику И. П. Павлову, профессору А. Д. Сперанскому и молодому научному сотруднику ВИЭМа Г. С. Календарову. Так Иван Петрович оказался в одной компании с человеком, который в 30-е гг. истратил впустую огромные деньги на исследования, в результате которых он обещал правительству научиться управлять психикой людей посредством радиоволн. Работы считались сверхсекретными, что и позволяло Календарову блефовать до поры до времени. Однако сотрудники И. П. Павлова, как мне рассказывал С. И. Гальперин, знали о них и с сарказмом поведали это своему учителю, вызвав его негодование по поводу и шарлатанства исполнителя, и невежества заказчиков. Ведь никакого научного обоснования такая работа не имела.

Иван Петрович болезненно реагировал на отмену в начале 20-х гг. докторских диссертаций, после чего профессорами вузов стали назначать людей, не овладевших научной методологией. Новая власть нуждалась в преданных ей научно-педагогических кадрах, которым могла доверить воспитание новой интеллигенции. Старые преподаватели изгонялись из вузов, многие покинули Советский Союз. Неизбежными издержками такой поли-

тики стали понижение уровня квалификации педагогов и недостаточно грамотное проведение научных исследований. Здесь корни лысенковщины и многих других болезней отечественной науки. Слова Павлова по этому поводу до сих пор звучат как приговор: «В России начался парад неучей! Полуграмотный учитель может воспитать только безграмотного ученика!»

В силу высокой ответственности за судьбу высшего образования в стране И. П. Павлов не мог признать правильным возникновение в СССР в течение 1929—1930 гг. более 30 медицинских институтов. Он считал, что для них нет ни кадров, ни материальной базы, и протестовал против существования вузовских кафедр, на которых не ведется научная работа. Со свойственной прямолинейностью и душевной болью писал в Академию наук: «В конце концов должна восторжествовать здравая мысль, что в высших учебных заведениях необходимы не только преподаватели, но и научные деятели с исследовательскими лабораториями. Иначе наши высшие учебные заведения превратятся в гимназии и мы, не в пример всему культурному миру, будем лишены высших учебных заведений» [25].

Подобные протесты Павлова против ломки образования и науки вызывали досаду и озабоченность правительства, особенно на рубеже 20—30-х гг. Тогда он выступил против планов реорганизации Академии наук, намечавшейся на 1929 г. Правительство задалось целью обеспечить большее участие академии в решении практических задач по индустриализации страны и подъему сельского хозяйства, в строительстве социализма. Намечалось одномоментно ввести в академию 42 новых действительных члена, чтобы эти академики составляли в ней подавляющее большинство при голосовании по спорным вопросам. Впервые вводились академики по общественным наукам. Среди них фигурировали Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский и другие видные партийные деятели. 21 июля 1928 г. «Известия» поместили список кандидатов в Академию наук СССР.

6 октября 1928 г. Павлов писал в СНК: «Я считаю своим долгом обратить ваше внимание на важную черту приближающихся выборов в Академию наук. Впервые в истории нашей Академии, насколько мне известно, государство перед выборами заявляет о желательности избрания тех или иных кандидатов. Все органы государства (пресса, руководство высших учебных заведений и общественных организаций) воинственно настаивают на исполнении его желаний. Мне кажется, что это оскорбляет достоинство Академии и ляжет тяжелым грузом на совесть академиков. Было бы справедливее, если бы государство прямо назначало в

Академию лучших, с его точки зрения, людей. А как действует на людей его нынешний образ действий?! Я приведу в пример событие, происшедшее три или четыре года назад. Тогдашний председатель Горисполкома Зиновьев подверг работников образования следующей процедуре: “Выдвинута резолюция. Кто против? Молчание. Резолюция принята единогласно”. В те дни я встретил одного моего товарища-профессора и поделился с ним своим возмущением по этому поводу. Я должен добавить, что этот мой товарищ имел репутацию человека исключительной чести. Ответ его был следующим: “А чего вы хотите? Разве вы не знаете, что сейчас любое возражение — это самоубийство?”

Нельзя не признать, что наша текущая ситуация возлагает на нас огромную ответственность» [26].

Непримиримость И. П. Павлова нередко огорчала коллег и прежде всего не переменного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга, который считал, что академия может спастись, только покоряясь требованиям ВКП(б). Во время одного особенно жаркого спора В. И. Вернадский предложил принять настоячивые указания компартии голосовать за баллотирующихся кандидатов не персонально, а по спискам, Павлов взорвался: «То, что вы предлагаете — это лакейство!» Попытки успокоить его не увенчались успехом... «Павлов почти кричал, что мы должны заявить о себе большевикам, что нечего их бояться, что не нужно никаких предварительных переговоров, что каждый может и должен действовать самостоятельно и т. д. Сергей (Ольденбург) решительно заявил, что ему, Ивану Павлову, позволено говорить все, что угодно, его не тронут, поскольку он находится в привилегированном положении, поскольку, как всем известно и как утверждают сами большевики, он — идейный лидер их партии. Павлов снова вскипел. Это было ужасно!» [27]. После этого инцидента Иван Петрович до конца своей жизни не посетил ни одного общего собрания академии, считая поведение своих академических коллег в 1928—1929 гг. штрейкбрехерством и капитуляцией перед грубой силой.

На горькие раздумья об одиночестве Ивана Петровича в научной среде наводит ответ президента АН СССР А. П. Карпинского председателю СНК В. М. Молотову, который переслал ему один из павловских протестов против репрессий в Ленинграде после убийства С. М. Кирова и требовал дать оценку этому письму. «Я высоко ценю научные заслуги моего коллеги, — отвечал Карпинский Молотову, — уважаю его независимый характер и способность создавать как для работы его Института, так и для его личной исключительно благоприятные условия; я всегда

сожалел, что он не принимает участия в общей академической жизни. Письмо акад. И. П. Павлова меня глубоко огорчило не потому, что, будучи таким же плохим политиком, как я, если не хуже, он возражает против мероприятий Правительства... Я неоднократно хотел просить у Вас свидания, чтобы побеседовать с Вами как о делах Академии, так и по ряду общих вопросов жизни нашей страны, ибо, мне думается, почему не выслушать иногда мнение хотя и недостаточно компетентного, но исключительно и искренно благожелательного лица. Вот этой благожелательности я не нахожу в письме моего коллеги И. П. Павлова, отделяющего себя и свою родину от нашей общей страны и нашего общего дела, и это именно то, что меня глубоко опечалило» [28].

Весьма характерно, что Молотов переслал Карпинскому павловское письмо, содержащее упреки правительству не в «перекореживании», как Иван Петрович выражался, отечественной науки, а в терроре и «безудержном своеволии власти». Именно такие протесты досаждали властям более всего. Иван Петрович без конца обращался в Совнарком с требованиями об освобождении из-под ареста знакомых ему людей (от академика Д. Н. Прянишникова до уборщицы институтского вивария А. И. Бархатовой), о необходимости прекращения репрессий и террора в стране, а также гонений на Церковь. «Привязанный к своей Родине, — писал он в СНК 20.08. 1930 г., — считаю моим долгом обратить внимание Правительства на следующее. Бесперывные и бесчисленные аресты делают нашу жизнь совершенно исключительной. Я не знаю цели их (есть ли это безмерно усердное искание врагов режима, или метод устрашения, или еще что-нибудь), но не подлежит сомнению, что в подавляющем числе случаев для ареста нет ни малейшего основания, т. е. виновности в действительности. А жизненные последствия факта повального арестования совершенно очевидны. Жизнь каждого делается вполне случайной, нисколько не рассчитываемой. А с этим неизбежно исчезает жизненная энергия, интерес к жизни. В видах ли это нормального государства?» [29].

Не менее жестким предостережением воспринимается обращение в СНК 21 декабря 1934 г.: «Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия... Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и дума-

ющими *человечно*. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства» [1]. Письмо достигло адресата, поскольку есть ответ на него Молотова.

В архиве сохранился вариант этого письма, содержащий такие слова: «Это, бесспорно, скверная людская практика. Люди порядочные в этой школе делаются позорными рабами... С рабами, конечно, ничего хорошего не сделать, а рабский дух, основательно натренированный, скоро потом не выгонишь» [22].

На торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Ивана Михайловича Сеченова, 26 декабря 1929 г. Павлов обратился к портрету покойного юбиляра со словами: «О, суровый и благородный товарищ! Как бы ты страдал, если бы еще оставался среди нас! Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть — все, личность обывателя — ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда — все это в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение. Естественно, господа, что все обывательство превращается в трепещущую массу, из которой — и то не часто — доносятся вопли: “Я потерял или потеряла чувство собственного достоинства, мне стыдно самого или самой себя!” На таком фундаменте, господа, не только нельзя построить культурное государство, но на нем не могло бы держаться долго какое бы то ни было государство.

Без Иванов Михайловичей, с их чувством достоинства и долга, всякое государство обречено на гибель изнутри, несмотря ни на какие Днепрострои и Волховстрои. Потому что государство должно состоять не из машин, не из пчел и муравьев, а из представителей высшего вида животного царства...» [30].

Затем он сконфузил аудиторию, перейдя от этих слов без паузы к предложению всем встать, чтобы почтить память Сеченова. Все ужасно боялись встать, но не встать было нельзя. Все встали, нервно оглядываясь, многие коммунисты демонстративно вышли из зала.

Иван Петрович осуждал советское правительство и коммунистическую партию за пренебрежительное отношение к человеку, особенно к русской интеллигенции. Даже наиболее гуманные представители правящей партии — Н. И. Бухарин, например, отводили русскому народу в мировой истории роль навоза, которым должны быть удобрены всходы прогресса человеческой цивилизации. В нигилистическом экстазе даже такое сравнение

казалось правителям слишком лестным для подвластных им людей. Люди были для них просто мусором или, того хуже, — пластилином, из которого можно лепить все, что угодно.

17 октября 1928 г. Павлов направил официальный запрос правительству, намерено ли оно советоваться с образованными людьми, осуществляя коренную перестройку всей жизни российского общества. «В каком резком противоречии при нашей республике, — писал он в этом запросе, — стоит прилагательное “советская”, не в его официальном, а в общеупотребительном смысле! Образованные люди превращены в безмолвных зрителей и исполнителей. Они видят, как беспощадно и большею частью неудачно перекраивается вся жизнь до дна, как громоздится ошибка на ошибке, но они должны молчать и делать только то, что приказано... Можно без преувеличения сказать, что прежняя интеллигенция частью истребляется, частью и развращается» [31].

Вероятно, многие представители правящей партии рады были бы пренебречь и Павловым с его всемирной известностью, и научным престижем России, но ленинская охранная грамота не только надежно защищала, но и позволяла ему требовать от правительства того, чего почти никому в стране даже просить не позволялось. Приведу только два характерных примера.

В 1933 г. в одну из павловских лабораторий прибыл профессор из Секции научных работников, чтобы уведомить Павлова о предстоящей там «чистке антисоветских элементов». Иван Петрович вышвырнул его, схватив за шиворот и дав пинка, из лаборатории с криком: «Вон отсюда, подонок!» Секция была возмущена оскорблением, нанесенным их сотоварищу, и направила делегацию к С. М. Кирову с требованием о наказании Павлова, на что глава ленинградской партийной организации ответил лаконично: «Ничем не могу вам помочь».

Далеко не все сотрудники восторгались таким поступком своего шефа. Одни опасались за его судьбу, а заодно и за свою, другие считали его поведение неинтеллигентным, третьи пытались оправдывать рукоприкладство и ругань холерическим темпераментом (сложилась даже легенда о скверном характере Павлова). Мне кажется, что Иван Петрович вел себя так вполне осознанно и хладнокровно. Он лучше других понимал, что профессор явился к нему с предупреждением не из добрых побуждений, а с целью зондажа — тем, кто его послал, нужно было разведать реакцию Павлова на возможную «чистку». Интеллигентно разъяснять свою позицию было бессмысленно — тогда бы чистка состоялась. Только выражение абсолютной бескомпромиссно-

сти, дикой непосредственности, почти юродства, вполне естественных для честного, но неискушенного в интригах человека, могло пресечь задуманную акцию. Не зря друзья и знакомые находили у Ивана Петровича артистический дар. Сыграв на легенде о своем чуде, которую сам срежиссировал и подкреплял многими поступками, он добился своего и на этот раз. И это была «мудрость чудака».

Едва узнав об аресте своего сотрудника коммуниста Ф. П. Майорова, Павлов схватил телефонную трубку и потребовал от телефонистки соединить его с «главным жандармом». Поначалу она отказывалась выполнить это требование, но Павлов был непреклонен. Ему ответил сам Медведь, начальник Ленинградского ОГПУ. Иван Петрович фальцетом прокричал: «Вот что, господин хороший, если завтра утром Федор Петрович Майоров не будет на своем рабочем месте, то я буду жаловаться господину Молотову или господину Сталину». К вечеру того же дня Ф. П. Майоров уже работал в лаборатории и больше никогда не арестовывался. Он написал «Историю учения об условных рефлексах» (1948).

Редкие «павловские среды» (еженедельные собрания сотрудников всех его лабораторий) обходились без критики Павловым большевиков, методов их руководства страной, без возмущения противопоставлением интернационализма патриотизму, без осуждения социальных условий жизни в СССР, слепого поклонения Сталину. В 1934 г. Иван Петрович писал академику Н. С. Державину, что советская власть не выполнила своих основных обязательств перед народом, о чем можно судить «по прошлогоднему голоду, дошедшему до людоедства, и ужасной эпидемии тифа, охватившей всю страну, и постоянному массовому недоеданию, отсутствию топлива, грязи, скученности, нехватке элементарных медикаментов и т. д., и т. д» [32].

В том же году письмо И. П. Павлова наркому здравоохранения Г. Н. Каминскому содержит такие обвинения: «Думаете ли Вы достаточно о том, что многолетний террор и безудержное своеволие власти превращает нашу и без того довольно азиатскую натуру в позорно-рабскую?.. А много ли можно сделать хорошего с рабами? Пирамиды — да, но не общее истинно человеческое счастье.

Останавливаете ли Вы Ваше внимание на том, что недоедание и повторяющееся голодание в массе населения с их непременными спутниками — повсеместными эпидемиями — подрывают силы народа. В физическом здоровье нации, в этом первом и непременном условии, — прочный фундамент государства, а не

только в бесчисленных фабриках, учебных и ученых учреждениях и т. д., конечно, нужных, но при строгой разборчивости и надлежащей государственной последовательности» [33].

Привлекая внимание правительства к ухудшению физического здоровья нации после революции, Иван Петрович предупреждал и о деградации духовного здоровья, об опасности падения нравов. Среди других причин духовного оскудения он указывал на освобождение от всех тормозов, называемое почему-то демократией, и насильственное искоренение религиозного воспитания. «По моему глубокому убеждению, — писал Павлов, — гонение нашим Правительством религии и покровительство воинствующему атеизму есть большая и вредная последствиями государственная ошибка. Я сознательный атеист-рационалист и потому не смогу быть заподозрен в каком бы то ни было профессиональном пристрастии... Религия есть важнейший охранительный инстинкт, образовавшийся, когда животное превращалось в человека... и имеющий огромное жизненное значение» [34].

Эта мысль уточнена в другом месте письма: «Я знаю русскую душу. Какою жизненною трагедиею специально на ней отзовется настоящая пропаганда атеизма» [34]. Павлов опасался, что борьба с религией породит людей без нравственных абсолютов, без веры. «Но человек, — убеждал он своего ученика Е. М. Крепса, — не может жить без веры... Я считаю, что нельзя отнимать веру в Бога, не заменив ее другой верой. Большевику не нужно веры в Бога, у него есть другая вера — коммунизм. Другую веру приносит людям просвещение, образование... Надо раньше просветить народ, дать ему грамотность, образование... А разрушать веру в Бога, не заменив ее ничем, нельзя» [35].

«Вершиной человечества» являлся для Ивана Петровича Иисус Христос, «осуществивший в себе величайшую из всех человеческую истину — истину о равенстве всех людей... и чем всю историю человека разделил на две половины: до него рабскую и после него — культурную христианскую... Вы продолжатели дела Иисуса, — обращался Павлов к руководителям страны, — были бы и у вас горячие и талантливые поклонники из служителей церкви» [34].

Рождество он считал не столько религиозным, сколько историческим праздником и весьма почитал. М. К. Петрова в своих воспоминаниях об И. П. Павлове воспроизвела его прямую речь по этому поводу на одной из «сред»: «Рождество и Воскресенье, — это огромные исторические праздники... Ведь речь идет о величайшем человеке из человеков — Иисусе из Назарета. Наши социалисты забывают следующее: на чем провалился весь

древний мир, хотя он достиг огромного умственного успеха и в философии, и в науке, и в искусстве и т. д.? — На рабстве! А кто идейно сокрушил рабство? — Господин Иисус из Назарета... А ведь коммунизм — это маленькая наценочка, вариация в этой идее уничтожения рабства... Он первый сказал, что вы все равны, все рабы божии (перед природой мы, конечно, все рабы, — ничтожество). И нужно понимать, что это есть праздник идейного уничтожения рабства и водворение идеи, что все люди равны, и нет белой и черной кости... И вот почему со дня рождения этого человека начало нового летосчисления» [36].

И. П. Павлов протестовал против разрушения церковных храмов. Сохранилось его негодующее письмо в СНК, когда уничтожили на Троицкой площади, неподалеку от дворца Кшесинской, петербургскую святыню — деревянную Троицкую церковь, построенную Петром Великим при основании города.

Многие павловские письма в СНК содержат требования о прекращении преследований священнослужителей и их семей. Отчисление из Военно-медицинской академии сыновей священников послужило Павлову в 1924 г. поводом к прекращению работы в своей *almae matris*, хотя причины его ухода оттуда были гораздо масштабнее. Однако и борьбу за изменение отношения правительства к духовенству он считал очень важной и вел ее до последних дней жизни. За два с половиной месяца до кончины он писал председателю СНК В. М. Молотову: «Прежнее духовное сословие — одно из наиболее сильных и здоровых сословий России. Разве оно мало работало на общую культуру Родины? Разве первые наши учителя книжной правды и прогресса не были из духовного сословия: Белинский, Добролюбов и др.? Разве наше врачебное сословие до революции не состояло едва ли не на 50 процентов из лиц духовного сословия? А разве их мало и в области чистой науки и т. д., и т. д.? Почему же они какое-то отверженное сословие даже в детях (фраза зачеркнута. — *Авт.*)?.. О нашем (зачеркнуто: о Вашем. — *Авт.*) государственном атеизме я считаю моим долгом говорить моему Правительству потом... и более пространно» [37].

Ответ В. М. Молотова от 28 декабря 1935 г. свидетельствует, что требования И. П. Павлова не остались гласом вопиющего в пустыне. В начале письма предсовнаркома обещал разобраться, насколько была оправдана высылка из Ленинграда «несколько лиц», за которых ручался Иван Петрович: «Могу Вас заверить, что советские власти охотно исправят действительно допущенные на месте ошибки» [38].

«Теперь, — продолжал Молотов, — насчет ограничений в отношении детей лиц из духовенства. На это могу Вам ответить только одно: теперь, действительно, в этих ограничениях нет никакого смысла, кроме отрицательного. Они нужны были в свое время, а теперь подлежат безусловной отмене» [38]. И на самом деле, отношение советского правительства к духовенству и религии изменилось к лучшему в предвоенные годы, а не во время войны, как пишут некоторые современные историки. Полагаю, что Павлову принадлежит не последняя роль в преодолении отверженности духовного сословия. С его требованиями и протестами правительство считалось благодаря Ленину, а потом — Бухарину.

Выполняя ленинский завет, Бухарин в 20-е гг. сблизился с Павловым, преодолев негативные последствия полемики между ними в 1923—1924 гг. В статье «Иван Павлов и Николай Бухарин» [19] подробно описано совершенно бесцеремонное вторжение Бухарина в павловскую квартиру и его участие без приглашения в семейном обеде. Вначале обедали в гнетущем молчании, а потом благодаря компетентной оценке коллекции бабочек, развешанной на стенах столовой, незваный гость сумел заинтересовать собой Ивана Петровича.

Описание этого эпизода Бухарин закончил фразой: «Так начался мой роман со стариком». И если поначалу это был роман по расчету (по партийному заданию), то вскоре чувственный Бухарин искренне полюбил Павлова. И немудрено. Вспоминая первую встречу с этим замечательным человеком при работе над его портретом, М. В. Нестеров писал: «Более яркой особы я и представить себе не мог. Я был сразу им покорен, покорен навсегда... Иван Петрович был донельзя самобытен, непосредствен» [39].

В некрологе 28 февраля 1936 г. Бухарин открыто признался в своих чувствах к Павлову: «Не скрою: я влюбился в этого человека, и он отвечал мне взаимностью» [40]. Любовь помогла ему выполнить ленинское задание, несмотря на противодействие как самого Ивана Петровича, так и многих партийных и государственных деятелей.

Сначала Бухарин отделил учение Павлова от него самого и объявил, без согласия на то автора, рефлекторную теорию естественнонаучной платформой диалектического материализма и политической доктрины коммунистической теории. Далеко не все руководители государства, официальные философы и даже ученые приняли бухаринскую интерпретацию павловского учения об условных рефлексах. Например, Н. А. Семашко утверж-

дал: «Слабая сторона его (Павлова. — *Авт.*) учения состоит в том, что он механический, а не диалектический материалист... И как бывает с механистами, механист-материалист Павлов, много поработавший над разрушением идеализма и поповщины, смыкается с самым доподлинным идеализмом» [41].

Примерно так же оценивал учение своего учителя коммунист Н. Н. Никитин, директор Ленинградского филиала ВИЭМа, в письме к нему: «Наша партия объявила, Иван Петрович, механистическую опасность как главную опасность на теоретическом и политическом фронтах. Рефлекторная теория является механистической не только по методу своей работы, но и по самому своему существу» [42].

В 1929 г. В. В. Куйбышев вслед за Горьким обозвал Павлова черносотенцем. Бухарин тут же отпарировал: «Что он “Интернационал” не поет, это я знаю. Но он все же воспитывался на Писареве, продолжает дело Сеченова, а антибольшевистские тенденции его — существующие — скорее демократ[ически]-бурж[уазного] характера. Но он самый крупный *физиолог в мире, материалист* и, несмотря на все свое ворчание, идеологически работает на нас (в своих сочинениях, а не в речах)» [43].

Наверное, в этих словах содержится преувеличение значимости работ Павлова для правящей партии, а значит, и заслуг самого Бухарина в выполнении задания ее основателя. О цели этого преувеличения любимец партии проговорился в некрологе: «Павлов наш целиком, и мы его никому не отдадим» [40].

В наши дни, когда охаивание коммунистического прошлого стало политически выгодным, находятся «писатели», чернящие И. П. Павлова за якобы обоснование (и даже оправдывание) его учением о высшей нервной деятельности диалектического материализма и диктатуры пролетариата со всеми ее атрибутами, включая красный террор. Но при чем тут Павлов? Так использовали рефлекторную теорию Сеченова—Павлова Бухарин и его последователи в своих интересах, с одной стороны. А с другой стороны, Гредескул, угождая Зиновьеву, доказывал, что учение Павлова — идейная платформа буржуазного строя и борьбы буржуазии против советской власти.

Беда в том, что любая серьезная естественнонаучная доктрина может быть истолкована политиками как им будет угодно. И чем величественнее творение ученого, тем больше соблазна у разных политических лагерей вести за него конъюнктурно-диалектическую борьбу. Они напоминают моллюсков-«прилипал» к днищу корабля, которые не могут потопить и даже остановить

его, но все же служат помехой движению. Сам же Иван Петрович из всех сил противился идеологизации науки [21, 22].

Прочитав летом 1931 г. «Материализм и эмпириокритицизм», Иван Петрович говорил Никитину, что считает рассуждения автора здравыми, но его коробит грубость ленинских выражений. Эту книгу принес Павлову Бухарин, который последовательно в своей настойчивости, но деликатно и не торопя события старался изменить его отношение к советской власти.

Н. И. Бухарин оказывал реальную помощь Ивану Петровичу в научно-организационных делах — в строительстве новой павловской лаборатории в Колтушах, на что были ассигнованы огромные суммы денег, передаче Физиологическому институту АН СССР большого двусветного зала и помещений геологической лаборатории самого президента Академии наук А. П. Карпинского в доме № 6 на Тучковой набережной (набережной Макарова) в Ленинграде. В 1927 г. было подготовлено решение о присвоении ИЭМу имени Павлова, но он отказался от такой чести. Через два года в ознаменование его 85-летнего юбилея Лопухинская улица была переименована в улицу Академика Павлова. Одновременно с переименованием она перестала быть прямым лучом между Каменноостровским (тогда улицей Красных Зорь) и Аптекарским проспектами и до сих пор огибает ИЭМ, чтобы его отдел физиологии со знаменитой «Башней молчания» находился подальше от транспортной магистрали, прежде проходившей рядом с ним.

Выше говорилось о миротворческой миссии Бухарина во взаимоотношениях Павлова с представителями властных структур. Заметим, что он умирал страсти обеих сторон. Куйбышева он убеждал в том, что Павлов «идеологически работает на нас», а его самого умолял «не ссориться с революцией». Обратимся, например, к цитате из его письма Ивану Петровичу в конце 1931 г.: «За Вами готовы ухаживать как угодно, все готовы идти навстречу всякой Вашей работе, а Вам обязательно хочется вставить революции перо. Не делайте этого, ради бога. Вы не сердитесь на меня за эту интервенцию. Но мы условились с Вами насчет откровенности. Так уж разрешите обратиться к Вам и с этой горячей просьбой. Не ссорьтесь с революцией. Вы ведь окажетесь неправы, не говоря о всем прочем. Я уж так Вас об этом прошу. Это важнее всего прочего. Ну, до свидания, не гневайтесь» [44]. В этом письме содержалась просьба не оставлять старое предисловие (со всякими «инвективами» насчет революции) в новом издании книги «Двадцатилетний опыт объективного

изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных». Здесь уместно заметить, что эта книга, опубликованная благодаря знаменитому ленинскому декрету, заняла почетное место в «Списке самых выдающихся книг, вышедших на русском языке в 1924 году», составленном Институтом интеллектуального сотрудничества при Лиге наций в Лозанне.

На рубеже 20—30-х гг. Бухарин аккуратно приступил к вовлечению Павлова в пропаганду успехов Советского Союза, играя на государственном патриотизме человека, не скрывавшего своей безграничной любви к России — даже тогда, когда это расценивалось как шовинизм. «Весь я русский, — писал он в СНК, — все, что есть во мне, все вложено в меня моею русскою обстановкой, ее историею, ее великими людьми» [1]. Возвращаясь из своей первой заграничной поездки, тридцатилетний Павлов готов был, по собственному признанию, расцеловать даже русского жандарма на приграничной станции.

Заняв в 1934 г. пост ответственного редактора «Известий», Н. И. Бухарин стал систематически, причем все чаще и чаще, публиковать в своей газете интервью с академиком Павловым. Направлял к нему умных и изощренных в своем деле журналистов, которые интервьюировали Ивана Петровича столь тактично и корректно, что он не мог их упрекнуть в искажении его мыслей и речей. Вместе с тем они тонко обходили вопросы, в честных ответах на которые ему пришлось бы проявлять нелояльность к советской власти. Постепенно круг таких вопросов становился все уже.

В 1923 г. И. П. Павлов во вступительной лекции к курсу физиологии студентам ВМА заявлял, что «по теперешним газетам составить себе понятие о жизни едва ли можно, они слишком пристрастны, и я их не читаю» [3]. А в 30-е гг. он стал активно сотрудничать с советскими журналистами, выступал с обращениями к молодежи, шахтерам, колхозникам. В этих обращениях не было ничего противного советскому государству. Вместе с тем они всегда содержали мысли, далеко не общепринятые. Так, касаясь развития колхозного движения, Иван Петрович писал: «Есть, конечно, своя, и большая, выгода в коллективном труде сравнительно с личным. Лишь бы выдержала это наша русская натура» [45].

В приветствии первому слету стахановцев он желал им «двигаться по единственно обеспечивающей счастье человека дороге» — дороге труда, соединяющего «голову с руками», когда в физический труд вносится «какая-нибудь хорошая догадка».

Получив ответное письмо, в котором стахановцы заверяли его, что повсеместно развернуто свое движение, он радостно воскликнул: «Конец бездельникам!»

Его радовала надежда, что в СССР будет преодолено неуважение к труду, свойственное царской России, о чем он много говорил прежде, в частности в лекции «О рабстве и барстве», которой ежегодно открывал курс физиологии в Военно-медицинской академии на протяжении десятка дореволюционных лет. «Почему, — негодовал профессор, — в Европе труд мойщика улиц в почете, а у нас работа дворника презирается обществом? Причина в том, — отвечал он на свой вопрос, — что в России слишком долго процветало крепостное право — вот и укоренилось у нас неуважение к труду. Его презирают и феодал, который не трудится, и крепостной, плоды труда которого принадлежат помещику. Капитализм воспитывает уважение к труду, хотя и из-под палки. Европа, став на путь капитализма, далеко опередила нас в воспитании труженика. Российские леность, равнодушие, небрежное отношение к жизненной работе — это дрянной нанос, наследие крепостного права. Оно сделало из барина тунеядца, оставив рефлекс цели без работы. Оно же сделало из крепостного пассивное существо без всякой перспективы достичь лучшей жизни самоотверженным трудом».

Мне рассказывала В. К. Фадеева, что на одной из «сред» Иван Петрович развил тему воспитания уважения к труду в связи со стахановским движением. Он говорил, что если капитализм воспитывает труженика, используя «отрицательное подкрепление» (не будешь трудиться, не на что будет жить), то социалистическое общество пытается достичь той же цели на «положительном подкреплении» — моральным поощрением трудовой деятельности, объявляя лучших тружеников героями страны. На таком подкреплении условные рефлексy вырабатываются гораздо труднее, чем на отрицательном. Павлов сомневался в возможности такого воспитания «в массовом порядке» — и все же надеялся на лучшее.

Бухарин точно выбрал время для начала своей «атаки» на Павлова. Если первые послереволюционные годы прошли под знаком разрушения российской государственности, то в конце 20-х гг. наметилось ее возрождение. Иван Петрович не мог этого не заметить и был не одинок в своей оценке событий.

Недавно мне посчастливилось познакомиться с замечательным человеком, высказавшим в наши времена примерно те же мысли, которые обуревали Павлова в годы революции. Это ака-

демик Никита Николаевич Моисеев *. В ответ на мой рассказ о метаморфозе политических взглядов Ивана Петровича на рубеже 20—30-х гг. он задумчиво произнес: «Я сейчас вспомнил разговор моего деда с отцом в 1929 г. Дед тогда сказал: «Смотри, Николай, а ведь большевики не совсем уж прохиндеи — они начали восстанавливать российское государство, может быть, они и вправду хотят возродить Россию». И хотя через год Николай Сергеевич Моисеев, работавший заведующим отделом статистики в Управлении водных путей сообщения, был арестован по делу Промпартии и сгинул в застенках, хотя Сергей Васильевич Моисеев, которому принадлежали приведенные выше слова, умер в 1931 г., переживая гибель сына, хотя другого деда Никиты Николаевича уничтожили еще раньше — в 1928 г., хотя сам он испытывал на себе многие беды «лишенцев», Н. Н. Моисеев отдал всю свою жизнь родине и сохранил тот же, что был у его родителей и Павлова, государственный патриотизм.

В отличие от внуков ряда видных большевиков он называет недавнюю акцию объявления независимости России «предательством по отношению к самим себе, т. е. предательством русского народа, который на протяжении тысячелетия цементировал государство, создавал его культуру» [46]. Верхом бессмыслицы Н. Н. Моисеев считает разделение современной российской интеллигенции на «демократическую» и «патриотическую»: «...разве может быть демократия без патриотизма или патриотизм без демократии» [46]. И, наконец, почти слово в слово Никита Николаевич повторяет павловское объяснение поведения власть предержащих, «гайдарообразных», как он их называет, по отношению к подвластному им народу при реформировании страны — диагноз двух умудренных жизнью людей, вынесенный с интервалом в несколько десятков лет, одинаков: «Пренебрежение к человеку, особенно к русской интеллигенции» [46].

* Н. Н. Моисеев родился в Москве 23 августа 1917 г. В 1941 г. окончил математический факультет МГУ и добровольцем ушел на защиту родины, служил инженером по вооружению авиационного полка, был ранен. После войны стал профессором, избран академиком АН СССР, руководил вычислительным центром Академии наук и внес большой вклад в освоение космоса и другие актуальные разработки учреждений Академии наук. В 1983 г. разработал модель биосферных процессов. В 1992 г. стал президентом основанного им Международного независимого эколого-политологического университета.

Познания Н. Н. Моисеева энциклопедичны, научные интересы многогранны, вклад в науку уникален. Его считают «своим» представители многих фундаментальных и прикладных наук.

Смею утверждать, что И. П. Павлов в 30-е гг. изменил свое отношение к советской власти не потому, что приспособился к ней, а благодаря кардинальной коррекции ею самой своей государственной политики. 8 декабря 1935 г. Павлов писал Молотову: «Чем дольше существует ваш режим, тем дальше он от тех крайностей, с которых он начинался, беря теперь во внимание реальную действительность, а не теоретические конструкции» [34].

Прежняя теоретическая конструкция провозглашала интернациональную солидарность трудящихся всего мира без государственных границ как основу нового мирового порядка. К концу 20-х гг. стали утверждать, что социализм может победить в отдельной стране, а для сохранения себя во враждебном окружении необходимо укреплять государство. Мотивы укрепления государственности у Павлова и советской власти были разные, но «реальная действительность», направленная на восстановление могучей российской державы, его устраивала.

В 1935 г. Иван Петрович, ознакомившись с проектом конституции, которая гарантировала гражданам СССР основные политические права, стал надеяться на «приближение зари демократической эры в СССР», о чем сказал на собрании своих сотрудников: «Мне кажется, что жизнь меняется к лучшему... Мне хочется верить, что действительно совершается поворот к нормальному течению жизни» [47]. В этих словах не чувствуется уверенности, но в них присутствует надежда, которую заронил в его душу, а вернее терпеливо и кропотливо взлелеял в его душе Н. И. Бухарин, один из основных авторов первой советской конституции.

Позднее не менее сильное влияние на Ивана Петровича стал оказывать другой видный партийный и государственный деятель Г. Н. Каминский, о котором Павлов говорил: «Умный большевик, с ним все охотно сотрудничают».

Однако сильнее словесных убеждений этих людей действовали на Павлова факты. Только им он доверял и в лаборатории, и в повседневной жизни. А факты были таковы, что весь мир называл в 30-е гг. «русским чудом» колоссальные темпы индустриализации страны и прогресс в создании нового бесклассового общества. Это отметил профессор Эдинбургского университета Д. Барджер в своей речи на заключительном пленарном заседании XV Международного конгресса в Московской консерватории 17 августа 1935 г.; именно в этой речи Павлов был назван «первым из физиологов мира» — «*princeps physiologorum mundi*».

Столь высокая оценка была приятна Ивану Петровичу прежде всего потому, что она выражала преклонение мирового науч-

ного сообщества перед российским гением. В 1930 г. он писал В. И. Репиной: «Когда мы любим, гордимся отечеством — это значит, что мы любим, гордимся его великими людьми, т. е. теми, которые сделали отечество и сильным, и уважаемым на исторической сцене. Ваш отец был одним из таких людей» [48].

Через 4 дня после смерти Д. И. Менделеева Иван Петрович говорил на заседании Общества русских врачей: «Русское общество, выдвинув из своей среды такую ученую величину, как Менделеев, может с полным доверием относиться к своему будущему» [49].

Он очень бережно относился к памяти отечественных ученых, стараясь этим внушить уважение к своей родине. Узнав в 1931 г. о решении правления Московского научного общества невропатологов и психиатров снять со своего журнала имя С. С. Корсакова, выдающегося российского психиатра, Павлов кипел от негодования. Оно долго не проходило. Спустя год один из руководителей этого общества — профессор Ю. В. Каннабих пригласил Ивана Петровича на научную конференцию. Павлов ответил отказом, который мотивировал так: «Я имею сильное зло против Московского общества невропатологов и психиатров за уничтожение им на обложке журнала общества литературного памятника Корсакову — и потому не имею расположения участвовать в его предприятии» [50].

И если в первые послереволюционные годы ученых относили к представителям эксплуататорских классов, игнорируя их требование, чтобы труженики научной мысли были во всех мероприятиях правительства приравнены к трудовым элементам страны, то к середине 30-х гг. ученый стал занимать в обществе почетное место. Отвечая на приветствия при посещении Рязани в августе 1935 г., Павлов говорил: «...у нас теперь чувствует науку весь народ... Раньше наука была оторвана от жизни, была отчуждена от населения, а теперь я вижу иное: науку уважает и ценит весь народ. Я поднимаю бокал и пью за единственное правительство в мире, которое так ценит науку и горячо ее поддерживает, — за правительство моей страны» [51].

Павлова радовало, что за первое пятилетие 30-х гг. средняя заработная плата советского рабочего и служащего поднялась вдвое благодаря тому, что золотые резервы СССР увеличились до 1400 миллионов фунтов стерлингов. Ему импонировало укрепление государственного сектора во всех отраслях экономики, образования, культуры, науки. Если за одинаковую работу зарплата государственного служащего ниже, чем у работника частного предприятия, то это верный признак слабого государства.

Надежной предпосылкой гармонии в общественных отношениях Иван Петрович считал то, что в СССР «уничтожена дикая пропасть между богатыми и бедными» [52], которая и привела Россию к революции. Это мнение Павлова разделяют современные европейские политологи, утверждающие, что гарантией предупреждения социальных взрывов может быть не более чем четырехкратная разница в доходах бедных и богатых слоев населения.

И. П. Павлову доставляло глубокое удовлетворение то, что такой важный атрибут советской государственности, как Красная Армия, становится все сильнее, что она пользовалась любовью народа, хотя на нее затрачивался каждый шестой рубль государственного бюджета. 18 августа 1935 г. Иван Петрович вместе с другими делегатами XV Международного физиологического конгресса присутствовал на авиационном празднике в Тушино, где он, подогреваемый рассказами о советских летчиках его племянника, авиационного командира А. Д. Андреева, выказал буквально детский восторг.

С Красной Армией Павлов связывал свои надежды в обуздании фашизма, угроза которого нарастала в Европе, о чем он предупреждал Молотова в своем письме. В отличие от некоторых нынешних «гуманистов», в 30-е гг. писатели, ученые, общественные деятели Европы и Америки не отождествляли большевистскую Россию с фашистской Германией. Напротив, только в Советском Союзе и его Красной Армии они видели силу, способную пресечь распространение коричневой чумы. Для Ивана Петровича этот коричневый цвет выглядел особенно зловеще, потому что принадлежал германскому фашизму.

Прочитав павловские лекции «Об уме вообще и о русском уме в частности», читатель может убедиться, что их автор, исходя из геополитических соображений и исторического опыта, естественную опасность для России и всего славянского мира видел в их «германизации и отуречивании» (Турция тогда еще оставалась главным оплотом мусульманского мира). В 30-е гг. он не сомневался, что Германия нападет на СССР, и приветствовал политическую доктрину коллективной безопасности, предложенную тогда Советским Союзом мировому сообществу. Беспокоясь за судьбу своей страны, Павлов перестал поощрять даже антисоветские шутки и анекдоты. Его сотрудница В. К. Фадеева рассказывала мне, как был обескуражен в 1934 г. физиолог, приехавший в павловскую лабораторию из провинции, реакцией Ивана Петровича на рассказанный им анекдот из той серии,

которая прежде нравилась хозяину. А теперь он резко оборвал гостя словами: «Тот негодяй, кто хулит собственное правительство, когда родина в опасности».

Тема мира была одной из самых важных в публичных выступлениях И. П. Павлова: «Мы хотим не воевать, а творить... Господин Гитлер хочет воевать... Развяжите руки господину Гитлеру — и он немедленно попытается проглотить нас и кого угодно еще как муху. Вот почему мы должны особенно одобрять и поддерживать борьбу нашего правительства за мир» [53].

Приветствуя делегатов XV Международного конгресса при его открытии 9 августа 1935 г. в Таврическом дворце, Иван Петрович прежде всего заговорил о страстном «всесветном» желании и стремлении избежать войны на Земле: «Война по существу есть звериный способ решения жизненных трудностей, способ, недостойный человеческого ума с его неизмеримыми ресурсами... Я счастлив, что правительство моей могучей Родины, борясь за мир, впервые в истории провозгласило: “Ни пяди чужой земли!”» [54]. Эти слова восторженно, стоя приветствовали все делегаты. Сдержанность проявили только немцы и японцы.

И. П. Павлова радовала воспитанная в СССР молодежь, которую его зарубежные друзья признавали «сильнейшей статьей актива Советского Союза». Один из четырех председателей физиологического конгресса Луи Лапик писал во французской газете по возвращении на родину: «Знакомство с советской физиологией было настоящим откровением... Советская власть предоставляет ученым неслыханные материальные возможности... Беседы с научной молодежью ошеломили и обогатили меня самого... Для СССР очень характерно, что ученый занимает в обществе первое место... Самое прочное впечатление, которое я вынес из Советского Союза, — это впечатление мощи научного движения» [55]. Очевидно, Лапик не думал бы так, если бы в беседах с Иваном Петровичем не убедился в правильности своих суждений.

Поведение И. П. Павлова на конгрессе в присутствии 1500 человек невозможно интерпретировать иначе как признание советского правительства своим, а «большевистский эксперимент» — заслужившим право на проведение. Те, кому не хочется сейчас признать произошедшую метаморфозу в политических взглядах Ивана Петровича, не оспаривают этот широко известный эпизод его жизни. Но они пытаются убедить своих читателей, что в коротком эпизоде Павлов не был самим собой, а действовал чуть ли не под гипнозом Бухарина и Каминского.

Факты опровергают такие домыслы. Уже в 1931 г. Иван Петрович в частной беседе со своим учеником Никитиным признался, что его теперь интересуют только две вещи: как будет развиваться теория условных рефлексов и что же произойдет с большевиками, каков будет результат их эксперимента. В 1935 г. (до конгресса) он говорил И. М. Майскому, советскому послу в Лондоне: «Пожалуй, ведь вы, большевики, своего добьетесь. Я раньше в этом сомневался, но сейчас уверен — вы выиграете» [56].

Таким образом, за 18 лет, прожитых И. П. Павловым при советской власти, его политические взгляды претерпели глубокие изменения — от полного неприятия «большевистского эксперимента» до лояльного отношения к генеральной линии советского правительства, когда оно от разрушения России перешло к созиданию могучей державы. Павлова не запугали, не подкупили и не обманули. По завету Ленина коммунистическое руководство страны боролось за него — долго, терпеливо и настойчиво. Однако хитрые спекуляции на его державном патриотизме не могли бы привести Бухарина и других «борцов за Павлова» к желанному результату. Только приближение объективной реальности к павловскому идеалу родины, с которой считается весь мир, позволило ему считать себя гражданином Советского Союза со всеми вытекающими отсюда последствиями в мыслях и делах. При этом он сохранил за собой право говорить правительству правду, протестовать против того, что считал неправильным и вредным для российского государства. Думаю, что никто в СССР не спас от репрессий столько человек, сколько Павлов, и считаю кощунством обвинять его в причастности к варварским деяниям сталинского режима.

Нередко Павлова называли диссидентом, т. е. инакомыслящим, несогласным с идеологией, господствовавшей в Советской России. По существу так оно и было. Но что-то в душе и сознании мешает мне применить к Ивану Петровичу это слово, символизирующее теперь гражданское мужество. Почему? Не могу пока понять причину. Может быть, дело в том, что у большинства известных мне диссидентов 60—90-х гг. не было и нет государственного российского патриотизма, составлявшего стержень личности Ивана Петровича Павлова. А у него были все основания сказать с достоинством: «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мне мои силы, прежде всего моему Отечеству» [52].

ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо в СНК СССР о своих политических убеждениях — 21 декабря 1934 г. // СПФ АРАН*. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 30. Л. 1—2 об.
2. Павлов И. П. Речь на приеме правительством делегации XV Международного конгресса физиологов 17 августа 1935 г. в Большом Кремлевском дворце // ПСС. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 19.
3. Лекция в ВМА 25 сентября 1923 г. для слушателей курса физиологии // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 12.
4. Павлова С. В. Из воспоминаний // Осн. фонд Материалов Дома-музея И. П. Павлова в Рязани. Д. 173/3366.
5. Павлов И. П. Приветственное письмо председателя организационного комитета I съезда физиологов им. И. М. Сеченова при открытии 6 апреля 1917 г. // ПСС. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 9—11.
6. Орбели Л. А. Воспоминания. М.; Л., 1966. С. 83—84.
7. Речь И. П. Павлова на могиле Н. Н. Дубовского 1918 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 1. Л. 1.
8. Постановление Конференции ВМА. 25 февраля 1918 г. // Лебединский А. В., Мозжухин А. С. Очерки истории кафедры физиологии Военно-медицинской академии. Л., 1971. С. 122.
9. Об уме вообще (лекция, записанная С. В. Павловой). 15/28 апреля 1918 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 3. 10 л.
10. О русском уме (лекция, запись С. В. Павловой с поправками И. П. Павлова). 7/20 мая 1918 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 4. 20 л.
11. Основа культуры животных и человека (лекция, запись С. В. Павловой с поправками И. П. Павлова). 14/27 мая 1918 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 5. 48 л.
12. Письмо И. П. Павлова архиепископу Луке (В. Ф. Войно-Ясенецкому) // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 2. Ед. хр. 1190.
13. Фролов Ю. П. Четверть века близ Павлова // Осн. фонд Дома-музея И. П. Павлова в Рязани. Д. 278/3375.
14. Письмо В. И. Ленина Г. Е. Зиновьеву // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14476.
15. Бонч-Бруевич В. Д. Об отношении В. И. Ленина к деятелям науки и искусства // На литературном посту. 1927. № 20.
16. Письмо Правления делами Комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде РСФСР в Секретариат СНК от 31 января 1921 г. // ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Ед. хр. 633. Л. 25.
17. Письмо Митрофанова об отказе Павлова принять спецпакет // Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 125.
18. Babkin B. P. Pavlov Biography. Chicago, 1949. P. 113.
19. Самойлов В. О., Виноградов Ю. А. Иван Павлов и Николай Бухарин // Звезда. 1989. № 10. С. 94—121.

* Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.

20. *Гредескул Н. А.* Условные рефлексы и революция // Звезда. 1924. № 3.
21. Письмо Павлова Бухарину 27 декабря 1931 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 42.
22. Письмо И. П. Павлова о революции — [б. д.] // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 38. Л. 1.
23. Письмо И. П. Павлова в Биологическую группу АН СССР. 30 мая 1932 г. // Переписка И. П. Павлова. Л., 1970. С. 39.
24. Интервью Павлова // Известия. 1934. 27 сентября.
25. Письмо И. П. Павлова в Химическую группу Академии наук СССР. 3 сентября 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1930. Ед. хр. 3. Л. 420.
26. Записка И. П. Павлова по поводу системы выборов в АН СССР — после 17 января 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 14. Л. 1.
27. *Ольденбург Е. Г.* Записка о работе Сергея Федоровича в качестве неперменного секретаря АН в 1928—29 гг. // АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Ед. хр. 57.
28. Письмо А. П. Карпинского В. М. Молотову // СПФ АРАН. Ф. 265. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 3—3 об.
29. Письмо И. П. Павлова в СНК СССР по поводу ареста профессоров Д. Н. Прянишникова в Москве и А. А. Владимиров в Ленинграде. 20 августа 1930 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 19.
30. Вступительное слово на торжественном заседании Общества российских физиологов по случаю столетней годовщины со дня рождения И. М. Сеченова 26 декабря 1929 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 207. Л. 6—7.
31. Письмо И. П. Павлова в СНК СССР по поводу системы выборов в АН 17 октября 1928 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 18. Л. 2.
32. Письмо И. П. Павлова к акад. Н. С. Державину о своем взгляде на подписку на заем 7 мая 1934 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 29. Л. 1.
33. Письмо И. П. Павлова наркому здравоохранения Г. Н. Каминскому // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 4. Ед. хр. 209.
34. Черновые записки И. П. Павлова во время болезни — [б. д.] // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 39. Л. 23 об.
35. *Крепс Е. М.* Иван Петрович Павлов и религия // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967. С. 131.
36. *Петрова М. К.* И. П. Павлов. Черновой материал к статье // СПФ АРАН. Ф. 767. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 8.
37. Черновой набросок письма И. П. Павлова В. М. Молотову // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 39. Л. 20 об.
38. Ответ В. М. Молотова И. П. Павлову на его письмо от 8 декабря 1935 г. по вопросу об ограничениях в отношении детей лиц из духовенства 28 декабря 1935 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 37. Л. 1—2.
39. *Нестеров М. В.* И. П. Павлов и мои портреты с него // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967. С. 338.

40. *Бухарин Н. И.* Памяти великого ученого // Известия. 1936. 28 февраля.
41. *Семашко Н. А.* // Прожектор. 1934. № 10/344.
42. Служебная записка и письмо Лен.отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР с приложением статьи «Рефлекторная теория в свете теории отражения Ленина» и письма Н. Н. Никитина 23 февраля 1932 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 22. Л. 2—3.
43. *Бухарин Н. И.* Письмо Н. И. Бухарина В. В. Куйбышеву // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С. 44.
44. Три письма Н. И. Бухарина И. П. Павлову // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед. хр. 41. Л. 4—4 об.
45. Интервью И. П. Павлова // Известия. 1935. 25 августа.
46. *Моисеев Н. Н.* С мыслями о будущем России. М., 1977. С. 69, 70, 73.
47. Выступление на научном заседании Института физиологии и патологии высшей нервной деятельности (начало «среды») 6 февраля 1935 г. // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 1.
48. Письмо И. П. Павлова В. И. Репиной, дочери И. Е. Репина (1930) // СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 2. Ед. хр. 1078. Л. 1.
49. Выступление И. П. Павлова на заседании Общества русских врачей в память о Д. И. Менделееве // Мозжухин А. С., Самойлов В. О. И. П. Павлов в Петербурге—Ленинграде. Л., 1977. С. 15.
50. Письмо И. П. Павлова Ю. В. Каннабиху // Самойлов В. О., Мозжухин А. С. Павлов в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. Л., 1989. С. 233.
51. Ответ на приветствия при посещении г. Рязани в августе 1935 г. // Павлов И. П. ПСС. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 20.
52. О перспективах работы в 1935 г. (интервью газете «Известия», № 157, 6 июля 1935 г.) // Павлов И. П. ПСС. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 15.
53. Интервью И. П. Павлова // Известия. 1935. 18 августа.
54. Речь И. П. Павлова при открытии XV Международного конгресса физиологов // Павлов И. П. ПСС. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 17.
55. Отклики иностранцев о СССР // За рубежом. 1937. № 11.
56. *Майский И. М.* Павлов в Англии // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967. С. 334.

